

Ссора

Самоопределение в споре с учителями продолжалось. Герои Гинзбург – Вяземский, Пруст, Шпет открывали в идеях формалистов новое измерение. В эпоху строительства нового общества она разрабатывала метод изображения социально-психологической реальности, формировавшейся на ее глазах. Ей предстояло преодолеть ученичество и обозначить собственную позицию в современной литературе.

Статья Гинзбург «Опыт философской лирики (Веневитинов)» [Гинзбург 1929] подытожила историю взаимоотношений с Тыняновым. На этот раз предметом спора стал вопрос о литературной школе. Противоречия точки зрения своего учителя, Гинзбург настаивала на том, что писатели объединяются и не объединяются в направления не по сходствам и различиям текстов («поэтике»). Поскольку группы могут состоять из очень разных литераторов, они строятся на основе иерархий, социальных стратегий и ценностей, которые она называла «стимулами», «импульсами». Ее друг и единомышленник Бухштаб снял высказанную Тыняновым в предисловии к собранию сочинений поэта-заумника критику понятий «школа» или «течение» как бессмысленных условностей, «лексических единств» (мэтр подчеркивал уникальность хлебниковской поэзии, пытаясь отделить ее от футуризма):

«Школы», «направления» несомненно имеют какие-то основания в литературном процессе. Но начини «дифференцировать» и все это пропадает. Быть может, это явление, непонятное при осознании

формы как «плоскостного», становится понятным при «структурном» понимании формы. Тогда школа проходит на известной глубине и до известной глубины. На следующих стадиях структуры (и понимания) то же сознается как индивидуальное, может быть, во всяком случае в иной связи [Бухштаб 2000: 467].

Бухштаб предполагал, что о литературных общностях можно говорить на основе наблюдений не над поэтикой, но над совокупностью отношений между писателями, в которых важную роль играют и социальная сторона, и мировоззрение, и политическая идеология, и психология.

В статье Гинзбург о Дмитриии Веневитинове речь идет о ситуации перехода литературы от «имманентности» к содержательности/идеологичности. Веневитинов, по ее мнению, был поэтом, творчество которого стало основой для школы без поэтики. Содержание «поэзии мысли» Любомудров сводилось к пересказу натурфилософии немецких романтиков в элегическом стиле. Веневитинов был идеальным «элегизатором Шиллера». «Поэзия мысли» Любомудров, по Гинзбург, была не исключительно литературным явлением, а литературно-идеологическим направлением. Поэтому их творчество отличается от других версий «поэзии мысли» (Баратынского или Бенедиктова), которые могли быть описаны по «имманентной» теории Тынянова. В идеологизации литературы и состояла специфика 1830-х, определяемая тем, что Любомудры изменили социальную функцию литературы.

Нина Гурфинкель, которой Гинзбург отправила в Париж экземпляр пятой «Поэтики», где была опубликована статья о Веневитинове, тоже считала актуальной проблему смыслового или идейного ряда в литературе. В статье своей подруги она подчеркнула пассаж об историчности содержания как соотношении читательских оценок (цит. по книге из библиотеки Н. Гурфинкель):

Опириуя в настоящей работе в достаточной мере скомпрометированными терминами «формы» и «содержания», я беру их, разумеется, не в теоретическом плане, то есть нисколько не предрешая вопроса о возможности дуалистического разложения произведения на формальные и тематические элементы. Для меня существенно содержание как понятие историческое, как категория, создаваемая в известные моменты читательским сознанием, которое производит это разложение и заставляет с ним считаться, если не теоретика, то историка литературы [Гинзбург 1929: 72].

Кроме того, Гурфинкель, опубликовавшая в феврале 1929-го (до выхода пятой «Поэтики») в *Le Monde Slave* статью о формалистах, где она связывала их будущее с феноменологией, выделила в тексте Гинзбург другой отрывок. Ее интересовало замечание о механизмах литературной идеологии, управляющих языком позднеромантических поэтических формул, — «пример текста [Веневитинова], где кружковое философское истолкование должно было надстраиваться над густой массой семантически нейтрализованных поэтизмов» [Гинзбург 1929: 98].

Школа, содержание, идеология — ключевые понятия полемической статьи Гинзбург о Веневитинове, бывшие актуальными и для ее близких друзей Бухштаба и Гурфинкель. Осмысляя эти понятия, они пытались определить свою позицию по отношению к формализму и современной литературе. Гинзбург по-прежнему использовала формалистские термины, отталкивалась от формалистских идей, но интересующая ее проблематика существенно отличалась от научной проблематики мэтров.

Судя по всему, в статье о Веневитинове были намеки на отношения с Тыняновым. Об этом свидетельствует ряд исторических аналогий, использованных автором³³. Годы 1820-е названы ею «формальным», «имманентным» периодом, 1830-е — «идеологическим», содержательным. Переход от одного периода к другому описывался подробно как одно из обстоятельств, при которых сформировался кружок Любомудров. Вопрос о школе, поднятый в статье о Веневитинове, касался не только спора о том, по каким принципам строилась группа Любомудров. Намек прозрачен. Высказанная в этой статье мысль о том, что школа строится не из поэтики, а из социальных и идеологических предпосылок, могла быть аллюзией на переход ОПОЯЗа от имманентной теории к историческим и социально-психологическим исследованиям.

---

³³ Историческая аналогия была элементом общего языка формалистов и их учеников. Подобным образом в своих «Записных книжках» в 1927 году Гинзбург сопоставляла отношения Карамзина с карамзинистами и мэтров с младоформалистами [Гинзбург 2002: 41], о чем уже говорилось в связи с ее первой статьей о Вяземском. Шкловский и Эйхенбаум с середины 1920-х пользовались в критических статьях аналогиями из прошлого. В предисловии к «Литературным кружкам и салонам» Аронсона и Рейсера Эйхенбаум представил материалы о литературном быте XIX века как программу современной «домашней» литературы [Эйхенбаум 2001]. Историческая проза Тынянова или написанный совместно с Ю. Оксманом киносценарий «Союз Великого Дела», посвященный декабристскому восстанию, содержат недвусмысленные оценки ситуации 1920–1930-х и намеки на современников и события тех лет.

Видимо, аналогично этой интерпретации творчества Любомудров Гинзбург в одном из выступлений в Институте истории искусств истолковывала творчество Некрасова как направление «гражданской поэзии». Тынянов прокомментировал это раздраженно, споря со Шкловским о роли футуризма как движения (речь шла о его предисловии к собранию сочинений Хлебникова):

«Хлебников – футурист», кто этого не знает. Это почти «Некрасов» Люси³⁴ Гинцбург, т. е. «Некрасов – гражданский поэт», как будто это рассредоточиванье по знакомым что-нибудь объясняет. А Некрасов, кроме того что был «гражданский поэт», еще и ругался со всеми гражданскими поэтами <...> А «рассредотачиваются» люди 1) одновременно в разные стороны, 2) одновременно в разные, так же как с женщинами [Переписка 1984: 198–199].

Тут прочитывается намек на барона Гинцбурга – востоковеда, занимавшегося русским стиховедением, над которым иронизировал один из лидеров ОПОЯЗа. Именно с общими рассуждениями, пренебрегающими исторической конкретикой и индивидуальностью автора, сравнивает мэтр литературные взгляды Гинзбург этого времени. В конце 1929 года ее отношения с Тыняновым и Эйхенбаумом близки к разрыву³⁵, поводом к которому послужила статья о Веневитинове. Подробности ссоры изложены в письме Гинзбург Шкловскому в начале 1930 года, опубликованном Д. Устиновым [Письмо 1929]. В декабре 1929 года³⁶ статью о Веневитинове, напечатанную в пятой «Поэтике», по инициативе Я. А. Назаренко должны были обсуждать на заседании в Институте истории искусств. Ни Тынянов, ни Шкловский, ни Эйхенбаум не смогли принять участие в дискуссии, младоформалистка была подвергнута идеологической критике. По словам самой

³⁴ Люсей называли Гинзбург друзья и близкие знакомые. См. переписку Нины Гурфинкель в: La description des archives de Nina Gourfinkel rédigée par Ruth Schatzman. Dossier V. См. также автограф Гинзбург в статье о Веневитинове – в экземпляре пятой «Поэтики» из библиотеки Нины Гурфинкель: «Нине и Юле [Гурфинкель] с дружеским приветом Люся».

³⁵ О постепенном охлаждении в отношениях между Эйхенбаумом и Гинзбург свидетельствует дарственная надпись на титульной странице «Старой записной книжки» Вяземского, хранившейся в библиотеке мэтра и переданной в Российскую национальную библиотеку: «Дорогому Борису Михайловичу Эйхенбауму от ученицы, если не “любимой”, то, во всяком случае, любящей. Л. Гинзбург. 24.04.1929».

³⁶ В этом году институт проверяла комиссия из министерства [Литературная энциклопедия]. 8 января 1930 года в «Правде» была опубликована разгромная статья, уже в июле Тынянов и Эйхенбаум были уволены, а ГИИИ расформирован [Галушкин 2000].

Гинзбург, эти события привели к «ликвидации ученичества», завершению прежних отношений с мэтрами в качестве ученицы — в первую очередь с Тыняновым. После проработки на семинаре Гинзбург написала письмо Тынянову «для разряджения атмосферы». Его содержание она резюмировала так:

Моя мысль заключалась в том, что я не «школа Ж[ирмунского]», а «школа Т[ынянова]», что вся ситуация фальшива и дает повод для возмутительных толков и перетолкований; что такие отношения следует ликвидировать. Для меня речь шла о ликвидации ученичества (не в смысле традиций, а в смысле отношений), вообще о ликвидации психологического порядка [Письмо 1929]³⁷.

Затем ей позвонил Эйхенбаум и «разговаривал довольно коротко и вообще, как разговаривают с душевнобольными»:

Меня трясло от волнения; я обращала больше внимания на то, чтобы он этого не заметил, и чтобы у меня не срывался голос, чем на то, что я говорю. Разговор кончился неопределенно; во всяком случае, я твердо помню, что не сказала ничего грубого [Там же].

Тынянов ответил Гинзбург «письмом совершенно человеческим». Приводим его текст, хранящийся в архиве Гинзбург в одной папке вместе с двумя другими письмами — к Шкловскому (опубликованному Д. Устиновым) и Эйхенбауму (публикующемуся ниже):

26.XII.29

Лидия Яковлевна! Только потому что это Вы и только потому что я ничего толком не понимаю — я отвечаю на Ваше письмо. Я понимаю одно: что когда перестают понимать других, и начинаются какие-то пленной мысли раздраженья.

Написать вполне благородное письмо и ликвидировать отношения это, разумеется, дело простое.

И все-таки, так ли уж благородно? В конце концов, для того чтобы не считать меня (так же, как и Бориса Михайловича) ответствен-

³⁷ Оригинал письма Шкловскому, опубликованный в «НЛО» № 50 Д. Устиновым, находится в архиве Шкловского (РГАЛИ. Ф. 562. Оп. 1. Ед. хр. 551). Существенных расхождений между ним и машинописной копией из архива Гинзбург нет. Случаи разночтений указываются. Что касается датировок, в письме Шкловскому указан ошибочный год: оно было написано в январе 1930 года, но не 1929 года. Это подтверждают два других письма, содержание которых оно пересказывает, а также упоминание статьи Гуковского, опубликованной в «Звезде» в 1930 году (№ 1). Возможно, в начале нового года Гинзбург по инерции датировала текст прошлым годом. Ей случалось ошибаться в датах. Например, на титульном листе тетради № 2 за 1927–1928 годы значится 21.V.1927, хотя в действительности записи начинаются с 21.IV.1927.

ным за какие-то выступления Назаренки — для этого даже не нужно звать меня своим учителем.

Так вот: 1) о «бойкоте» я услышал в первый раз от Гуковского, который передал мне, что Назаренко заявил после доклада Малахова, что часть формалистов бойкотирует другую часть. 2) ни о каком бойкоте мне ничего более не известно. 3) о «частных заявлениях» Назаренки по поводу того, что он «вынес впечатление» о бойкоте из разговоров с основными членами ОПОЯЗа, должен заявить следующее: заявление это, если только оно сделано, вымышлено с начала до конца, так как я вообще ни о чем с ним не разговаривал, равно как и Борис Михайлович. С какими другими основными членами ОПОЯЗа он мог говорить, — мне неизвестно. 4) с каких пор я несу ответственность за слова и дела Я. А. Назаренки и др.? 5) то, что Вы говорите о каких-то оргвыводах, мне уж совсем непонятно. Сдается, что Вы думаете, что Вас выбросят из Института, а я под этим подпишусь? Благодарю Вас за это.

Что касается «совсем частных людей», которые Вам передавали, что я не считаю возможным защищать работы в 5-й Поэтике (в частности, даже Вашу) — они совершенно правы, и я это повторяю. Работы Жирмунского, Гуковского, Шимкевича, при их разности, считал и считаю работами враждебными ОПОЯЗу, враждебными тому направлению, которое я считаю главным делом своей жизни. О Ваших работах: последние две Ваши работы (о Вяземском) (предисл[овие]) и о философской лирике) я считаю работами, в которых Вы изменили (не кому? а что?) — свой взгляд на задачи историка литературы. Они меня огорчили, и я удивляюсь Вашим упрекам, что Вы это будто услышали из уст Назаренки, а не моих. Вспомните. Я возражал против этих Ваших работ открыто на заседаниях, на которых Вы их читали, с той резкостью, на которую только способен. Уста Назаренки здесь решительно не при чем.

Я хотел и ожидал разговоров с Вами после этих докладов, но никакого желания говорить со мной на какую-нибудь тему я у Вас не замечал.

А между тем возражал я резко именно потому, что всегда хорошо и дружески относился к Вам. Я считаю Вас настоящим работником и думаю, что Вы дадите еще замечательные историко-литературные исследования, а не философскую окрошку, которая отзывается, как бы Вы этого ни не хотели — Жирмунским (я говорю не о человеке, а о подходе к материалу).

Вот мы и подошли к последнему пункту программы. Почему Вы выступаете от имени В. М. Жирмунского? Разве он в этом нуждается? Разве я или Борис Михайлович на него нападаем? Зачем Вы так тонко пишете, что большим его достоинством считаете, что он ни разу не счел возможным сказать обо мне при Вас ничего такого неуважительного? Не хотите ли Вы, чтобы я признался, что, к сожалению, мне, вероятно, приходилось говорить при Вас о нем не совсем

м[ожет] б[ыть] уважительно? И не берите на себя чужих счетов, даже счетов людей, которых Вы цените и уважаете.

Ликвидацию же отношений между Вами и мною, как историками литературы, литераторами, людьми – притом еще скрепленную именем Назаренки отношу всецело на Ваш счет.

Да будет Вам стыдно
Ю. Н. Тынянов.

Гинзбург сочла необходимым устранить последние недоразумения, внести окончательную ясность:

мне показалось, что Ю[рий] Н[иколаевич] думает, будто я упрекаю его в том, что он сознательно дал повод к тем *переосмыслениям*³⁸ Назаренки и др., о кот[орых] я писала. Это подозрение показалось мне чересчур оскорбительным для него. С целью его рассеять я написала второе письмо. Его следовало бы озаглавить: «Письмо Второе, очень короткое, но которое, тем не менее, не следовало бы писать» <...> Через несколько дней произошло самое скверное: я получила от Бориса Мих[айловича] (мое письмо относилось и к нему) короткое и ужасное письмо [Письмо 1929].

Объясняя Шкловскому обстоятельства произошедшего, Гинзбург привела наиболее существенные, с ее точки зрения, выдержки из текста Эйхенбаума:

от «ликвидации», которая вам, вероятно, *понадобилась* и для которой вы как *поводом*³⁹ (*не очень, правда, удачным, но другого, очевидно, под руками не оказалось*) воспользовались выступлением Я[кова] Н[азаренко], я не отказываюсь <...>

Я рассматриваю эту непонятную для меня историю как результат *вышей «политики»*, в которой ничего не понимаю и не хочу понимать, или как результат полной потери чутья. Соотв[етственно] этому я испытываю чувства или *стыда* (!) или огорчения за вас (курсивы мои. – Л. Г.) [Там же].

Гинзбург была оскорблена как предположением, что ее письмо было написано по рекомендации оппонентов ОПОЯЗа, так и тем, что ее заподозрили в измене учителям:

Это письмо сразу вывело меня за пределы человеческих отношений⁴⁰ <...> я считала, что я должна ответить вполне оскорбительным образом человеку, заявившему, что ему за меня «стыдно» [Там же].

³⁸ Курсив в машинописи из архива Гинзбург отсутствует в автографе, опубликованном в «НЛО» № 50.

³⁹ Слова «понадобилась» и «поводом» выделены курсивом только в машинописи из архива Гинзбург.

⁴⁰ В оригинале письма, опубликованном в «НЛО» № 50, эта фраза отсутствует.

Приводим текст ее письма к Эйхенбауму:

31.XII.1929

Борис Михайлович,

Я не стыжусь и не огорчаюсь: я удивляюсь примитивности предположения, будто я осуществляю чью-то «высшую политику».

Область, где возникают подобные умозаключения, находится по ту сторону этических норм, определяющих мое поведение.

Не знаю, какие таинственные силы заставили Вас так решительно изменить Вашу оценку всего происшедшего за те несколько дней, которые истекли со времени Вашего звонка ко мне и более чем корректного письма Ю. Н. Тынянова.

Л. Гинзбург

Надо думать, что на этом наша переписка закончится.

Другим знаком разрыва был отказ Тынянова опубликовать свою прозу в младоформалистском сборнике о современной литературе. При этом со Шкловским Гинзбург не поссорилась – возможно, потому что в это время он не имел непосредственного отношения к Институту истории искусств. Его фрагментарная проза была важна для литературных экспериментов Гинзбург. Он одобрял ее «Записные книжки», его ученица не без гордости приводит в своих записях (28.08.1929) его похвальные слова: «У вас эпиграммы хорошие и записки, вообще вы понимаете литературу» [Тетрадь V. 10.06.1929 – 8.01.1931: 27–28]. В дневнике Гинзбург отмечала, что Шкловский спокойно воспринял ее письмо, в котором описывалась ссора. В июне 1930 года он приехал в Ленинград по делам местной киностудии и встретился с ней. От эпистолярного конфликта остался только горький осадок (запись от 28.06.1930): Шкловский всего лишь упрекнул младоформалистку в том, что на его последнее письмо она хотела ответить «историческим письмом; надо было ответить открыткой» [Там же: 73].